

Рапалльский договор и немецкая социал-демократия

А. Корсунский

Изучение вопроса об отношении немецкой социал-демократии к Рапалльскому договору, ознаменовавшему начало нового этапа во взаимоотношениях между Советской Россией и Германией в 1922 г., имеет существенное значение как для исследования истории советско-германских отношений, так и для освещения политики германской социал-демократии в эпоху Веймарской республики.

В настоящее время, когда прогрессивные круги немецкого народа ведут борьбу за установление прочной дружбы с Советским Союзом, а немецкие правые социал-демократы всячески содействуют американскому империализму в его политике расчленения Германии и создания из Западной Германии антисоветского форпоста в Европе, эта тема приобретает особую актуальность.

Не случайно немецкая общественность в последнее время проявляет значительный интерес к истории советско-германских отношений и, в частности, к Рапалльскому договору. Этот интерес заметен не только в Германской демократической республике, но и в западных зонах Германии. Даже в буржуазных кругах Западной Германии, отдающих себе отчет в том, насколько бесперспективно положение немецкой промышленности в боннской колонии американского империализма, раздаются голоса в пользу развития советско-германских экономических связей, и органы американских оккупационных

властей в Германии «Ди ноёе дейтунг» счёл нужным выступить против тех, кто старается «воскресить дух Рапалло».

Отношение социал-демократической партии Германии (СДПГ) к Рапалльскому договору и ко всей «политике Рапалло» было предопределено общими идеологическими и политическими установками этой партии. Великая Октябрьская социалистическая революция вынудила немецкую социал-демократию, так же как и другие партии II Интернационала, раскрыть до конца свою измену марксизму.

«Давно порвав с духом марксизма, она (социал-демократия. — А. К.) оказалась вынужденной порвать и с флагом марксизма, стала открыто и недвусмысленно против дитя марксизма, против Октябрьской революции, против первой в мире диктатуры пролетариата»¹.

Эта характеристика позиции международной социал-демократии, данная И. В. Сталиным в 1927 г., целиком приложима и к послевоенной германской социал-демократии. Руководство СДПГ окончательно порвало с марксизмом в теории, в союзе с реакцией оно вело гражданскую войну против революционного немецкого пролетариата, приняло активное участие в борьбе международной буржуазии против молодого советского государства.

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 249.

Враждебная советскому государству позиция шейдемановцев и независимцев была выражением антисоветских установок немецкой империалистической буржуазии, агентурой которой являлось руководство СДПГ и Независимой социал-демократической партии (СДП). Подобно тому, как до ноябрьской революции немецкие социал-демократические лидеры поддерживали агрессивную и аннексионистскую политику империалистов кайзеровской Германии в отношении России, в веймарскую эпоху они содействовали антисоветской политике немецкой монополистической буржуазии и юнкерства, рассчитывавших осуществить новую экспансию на Восток в сотрудничестве с империалистами Англии и Америки.

Вследствие ряда обстоятельств антисоветский характер политики СДПГ и Независимой СДП был выражен особенно ярко.

Успешная борьба русского народа под руководством большевистской партии с империалистическими интервентами служила немецкому рабочему классу ценнейшим уроком борьбы за национальное и социальное освобождение. Этот урок опрокидывал пропагандируемую социал-демократическим руководством политику подчинения Германии империалистам Антанты.

Самый факт существования советского государства, знаменовавший торжество идеи диктатуры пролетариата и победу ленинизма над ревизионизмом, подрывал «теоретические» устои социал-демократии и её влияние на рабочий класс. Всякое мероприятие, улучшавшее советско-германские отношения, рассматривалось руководством СДПГ и независимцев как величайшая опасность для агентуры немецкой буржуазии в рабочем движении.

С первых же дней существования советского государства шейдемановцы и независимцы заняли резко антисоветскую позицию. Они поддерживали немецких империалистов, навязывавших Советской республике грабительский Брестский договор, во время переговоров в Бресте выступали со злобными нападениями на Советскую Россию. Шейдеман цинично заявил в рейхстаге, что большевики якобы сами виновны в тяжёлых условиях договора². В то время, когда немецкая военщина расстреливала финских рабочих и пыталась потопить в крови восстания на Украине, Шейдеман верноподданный свидетельствовал Людендорфу доверие СДПГ к верховному германскому командованию³. При утверждении рейхстагом Брестского договора социал-демократическая фракция заняла позорную позицию молчаливого одобрения действий немецких империалистов, воздержавшись от голосования. Между тем голосование социал-демократов против договора, как признавал позднее и сам Шейдеман, могло оказать большое влияние на политическое положение в стране⁴. Шейдемановцы приняли все меры к тому, чтобы

сорвать движение протеста немецких рабочих масс против договора. После того как крах германского империализма стал совершившимся фактом, лидеры СДПГ и независимцев сделали оружием империалистов Антанты и Америки и пособниками их антисоветской политики. Социал-демократическая пропаганда ставила своей важнейшей задачей внушить народным массам убеждение в необходимости для Германии ориентироваться не на рабоче-крестьянское государство Советской России, а на империалистические страны — Соединённые Штаты, Англию и Францию. Глашатаем американского империализма Вильсона шейдемановцы и независимцы рекламировали в качестве «идеолога демократии», а его «14 пунктов», предусматривавшие расчленение России, объявляли евангелием демократии. За несколько дней до ноябрьской революции в Германии правительство Макса Баденского, в котором участвовали и социал-демократы, выслало из Берлина советское посольство в результате провокации, организованной Шейдеманом. После революции правительство народных уполномоченных, состоявшее из социал-демократов и независимцев, отказалось возобновить дипломатические отношения с Советской Россией. Своей враждебной по отношению к советскому государству политикой немецкое правительство, по признанию одного из его членов (Шейдемана), рассчитывало угодить Антанте⁵. Позорную славу приобрели социал-демократические министры своим отказом принять продовольственную помощь русских рабочих страдавшим от блокады немецким трудящимся. В то же время шейдемановцы всячески популяризировали контрреволюционную и вымогательскую политику Вильсона, обещавшего Германии помощь продовольствием лишь при условии «сохранения общественного порядка». Выступая в качестве прямых слуг американского империализма, правые социал-демократы внушали немецким народным массам необходимость выполнения условий получения американской помощи — подавления революционного движения внутри страны и сохранения антисоветского курса внешней политики Германии.

Ведя активную антисоветскую политику, правительство народных уполномоченных, состоявшее из представителей СДПГ и независимцев, пыталось продолжать уже после краха кайзеровской Германии оккупацию Украины, оно участвовало в подавлении революционного движения в Прибалтике.

Установление дружественных отношений с Советской Россией и создание тем самым благоприятных условий для борьбы за мир в Европе было неприемлемо для социал-демократических лидеров и потому, что в их планы входило всячески содействовать восстановлению военно-политической мощи германского империализма и развязыванию новой мировой войны.

СДПГ ревностно отстаивала так называемую «политику выполнения» Версальского

² «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 311, S. 4162. 1918.

³ См. E. Ludendorff. Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916—1918, S. 295. 1921. 2. Aufl.

⁴ См. Ph. Scheidemann. Der Zusammenbruch, S. 154. Berlin. 1921.

⁵ См. там же, стр. 227.

договора, стараясь превратить Германию в покорного вассала стран-победительниц.

Антимарксистская политика СДПГ нашла своё обобщение в новой программе партии, принятой в сентябре 1921 г. на Герлицском съезде. Герлицская программа уже не только игнорировала марксистское учение о диктатуре пролетариата, но избегала какого-либо упоминания о классовой борьбе вообще, объявляла социал-демократию не пролетарской партией, а партией всех трудящихся, выбрасывала за борт лозунг социализации промышленности⁶.

Генрих Кунов утверждал, что социал-демократия, определяя на будущие годы свою политику, должна исходить не из положения Ленина о том, что империализм — это «умирающий капитализм», а из противоположного положения, что капитализм становится всё более прочным⁷. Все эти рассуждения матёрых оппортунистических «теоретиков» были вызваны стремлением спасти капитализм в Германии, предотвратить прорыв фронта империализма в Германии. Отмеченные выше «теоретические» установки СДПГ должны были служить оправданием политики сотрудничества с буржуазией и борьбы против революционного пролетариата, политики ориентации на империализм Антанты и Америки и вражды к Советской России.

Независимая социал-демократическая партия, за исключением её левого крыла, которое присоединилось в 1920 г. на съезде в Галле к коммунистической партии, не отличалась в основном направлением своей политики от СДПГ, и правление СДПГ в своём отчёте Герлицскому съезду партии с удовлетворением могло констатировать прогресс в сотрудничестве СДПГ и независимцев. В сентябре 1922 г. произошло слияние обеих социал-демократических партий.

В течение ряда лет руководство СДПГ поддерживало политику изоляции Советской России, проводившуюся Антантой и Соединёнными Штатами. Будучи с ноября 1918 г. по март 1920 г. правительственной партией, социал-демократия упорно игнорировала требование революционного пролетариата Германии о восстановлении нормальных отношений с Советской Россией. Руководство СДПГ решило несколько видоизменить свою тактику по отношению к советскому государству лишь после того, как за восстановление дипломатических и хозяйственных связей с Советской Россией выступили немецкие буржуазные партии.

Провал политики интервенции против рабоче-крестьянского государства, с одной стороны, мировой экономической кризис и острая нужда в рынках, — с другой, привлекли влиятельные круги финансового капитала к убеждению в необходимости прекращения блокады Советской России и установления с ней хозяйственных связей. Кро-

ме того, возросшая к 1921 г. роль советского государства на международной арене сделала дипломатические отношения с Советской республикой весьма ценными для Германии и с внешнеполитической точки зрения. «Немецкое буржуазное правительство, — писал В. И. Ленин в 1920 г., — бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания»⁸. Поэтому, когда в январе 1921 г. в рейхстаге обсуждался вопрос об отношениях с Советской Россией, то за восстановление с ней нормальных отношений высказывались уже представители всех буржуазных партий, кроме немецкой национальной партии.

Если немецкой буржуазии потребовалось несколько лет для того, чтобы убедиться в целесообразности восстановления связей с Советской Россией, то рабочий класс Германии высказывал свои симпатии к рабоче-крестьянскому государству с самого момента его образования. Свою солидарность с трудящимися России немецкий рабочий класс проявил кампанией протеста против Брестского договора зимой 1918 г., ноябрьской революцией 1918 г., сопротивлением, которое он оказывал перевозкам через Германию вооружения для Польши во время советско-польской войны, сбором средств для голодающих Поволжья в 1921 году. Горячие симпатии немецкого пролетариата к Советской России были настолько очевидны, что их не могли скрыть и шейдемановцы. Носке рассказывает в своих мемуарах, как уже после ухода с поста военного министра он разъезжал по Ганноверской провинции и, выступая перед рабочими, уговаривал их «не верить в то, что большевистские победы что-нибудь улучшат»⁹, а бывший редактор «Форвертса» Штампфер свидетельствует, что в кругах немецких рабочих царил в то время прямо-таки «религиозное преклонение перед Советской Россией»¹⁰.

Убедившись в том, что не только рабочий класс проникнут горячей симпатией к Советской России, но и буржуазные круги не желают осуществлять прежнюю политику игнорирования советского государства, руководство СДПГ формально выступило за восстановление отношений с Советской Россией. На деле же оно попрежнему препятствовало политике сближения с Советской Россией и продолжало систематическую антисоветскую пропаганду.

Выступая 21 января 1921 г. в рейхстаге, председатель СДПГ Вельс, подобно представителям народной партии, центра и демократам, указывал на необходимость восстановить связи с великим восточным соседом и не дать другим державам опе-

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 15. 3-е изд.

⁹ G. Noske. Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie, S. 192. Bollwerk Verlag, Offenbach/Main, 1947.

¹⁰ Stampfer. Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik, S. 192. Bollwerk Verlag, Offenbach/Main, 1947.

⁶ См. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands in Görlitz, 1921.

⁷ См. H. Kunow. Sieg des Imperialismus. «Die Neue Zeit» № 1/40, S. 5. 1922.

редить немцев в развитии торговли с Россией. Однако одновременно речь председателя СДПГ представляла собой набор гнуснейших клеветнических заявлений о советском государстве, и он откровенно высказывал надежду на то, что включение России в мировое хозяйство приведёт к падению большевистского режима¹¹.

Таким образом, Вельс открыто признавал, что выступление СДПГ за возобновление отношений с Советской Россией вовсе не означает отказа лидеров немецкой социал-демократии от их антисоветских установок.

Внешне более решительно, чем социал-демократы большинства, за восстановление отношений с Советской Россией выступали в рейхстаге независимые социал-демократы, но и независимцы не менее откровенно, чем социал-демократы большинства, объясняли, что мотивы их выступления за возобновление отношений с Советской Россией не имеют ничего общего с симпатией к советскому государству и большевизму. Брейтшайд, например, стараясь заверить немецкую и иностранную буржуазию в неизменности антисоветских установок независимцев, напролом, что социал-демократия и при царизме выступала за хозяйственные связи с Россией¹².

Своей антисоветской пропагандой независимые социал-демократы приобрели столь прочную репутацию непримиримых врагов Советской России, что известный автор проектов интервенции против Страны Советов Арнольд Рехберг искал среди них приверженцев для своих антисоветских планов¹³. Некоторые антисоветские выступления лидеров Независимой СДПГ, например, статьи Дитмана, черносотенная антибольшевистская лига издавала отдельными брошюрами.

Основой внешнеполитической программы социал-демократии оставались ориентация на Антанту и Америку и «политика выполнения» Версальского договора. СДПГ выступила за принятие лондонского ультиматума, который привёл к смене кабинета Ференбаха кабинетом Вирта (с участием социал-демократов) в мае 1921 года.

Верным своей политике капитуляции перед Антантой и вражды по отношению к Советской России осталось руководство социал-демократии и в период подготовки к Генуэзской конференции.

К этому времени в немецких буржуазных кругах усилилось стремление к нормализации отношений с советским государством. Немецкие предприниматели опасались, чтобы в торговле с Советской Россией их не опередили капиталисты других стран. Виднейшие представители буржуазного лагеря, Штреземан, Ратенау и другие, доказывали необходимость участия Германии в будущем международном финансовом консорциуме по эксплуатации экономических богатств Советской России,

а также необходимость самостоятельного проникновения немецкого капитала в Россию¹⁴. Тем не менее в 1921 г. германское правительство не решилось ещё на проведение самостоятельной политики по отношению к Советской России и не пошло дальше временного торгового соглашения, заключённого в мае 1921 г., ещё до назначения Вирта на пост рейхсканцлера. Немецкие монополисты, определявшие курс правительственной политики, рассчитывали на то, что капиталистический мир принудит Советскую Россию к капитуляции и немецкий капитал наряду с западноевропейским и американским капиталом примет участие в колониальной эксплуатации России. На заседаниях Верховного совета Антанты в Каннах Ратенау выдвигал предложения об участии Германии в «развитии Восточной и Центральной Европы».

В унисон с представителями немецкой финансовой олигархии выступал и социал-демократ Генрих Кюнов, который доказывал, что ориентация Германии на «американское хозяйство» (т. е. на американский монополистический капитал) поможет немецким предпринимателям вернуть «потерянные позиции», хотя им и придётся играть лишь роль агентов и посредников¹⁵.

Любой шаг в направлении улучшения отношений с Советской Россией, предпринятый Германией независимо от держав-победительниц, мог, по мнению немецких правительственных кругов, ухудшить отношения с Антантой. Эту политику капитуляции перед Антантой всецело поддерживало и проникнутое антисоветскими тенденциями руководство СДПГ. «Социал-демократическая партия,— писал центральный орган СДПГ,— стоит на той точке зрения, что Германия, проводя политику выполнения Версальского договора, должна, со своей стороны, сделать все возможные усилия для того, чтобы показать свою добрую волю и поднять до высшей степени свою платёжеспособность»¹⁶. Теоретический орган СДПГ «Социалистиче монатсхефте» утверждал: «...только путь прямого соглашения между Германией и Францией может вывести нас из бедственного положения. Наверно, всё это станет вполне ясным в Генуе и в особенности после того, как поймут, насколько обманчивы были надежды на Советскую Россию»¹⁷. Таким образом, социал-демократическое руководство откровенно высказывало свои надежды на то, что Генуя послужит дальнейшим этапом политики включения Германии в антисоветский, империалистический блок.

Стараясь убедить немецкие трудящиеся массы в том, что следует отказаться от надежд на советское государство, от стремления к сближению с Советской Россией, печать СДПГ и независимцев вела систематическую и развязную антисоветскую

¹⁴ См. там же. Т. 354, стр. 6648, 6655.

¹⁵ См. «Die Neue Zeit» № 1/39, S. 5. 1921.

¹⁶ «Vorwärts» от 25 января 1922 года.

¹⁷ «Sozialistische Monatshefte». Bd. 58. S. 250, от 27 марта 1922 года.

¹¹ См. «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 346, S. 2001.

¹² См. там же. Т. 347, стр. 2069.

¹³ Там же.

кампанию. Изю дня в день социал-демократические газеты и журналы в самых мрачных тонах описывали экономическое положение Советской республики и доказывали, что в связи с царящей в России разрухой трудно рассчитывать на возможность получения каких-либо выгод от торговли с ней. Вскоре после заключения временного советско-германского торгового соглашения «Форвертс», например, доказывала, что данное соглашение не может привести к улучшению и развитию торговли с Советской Россией, и нападала на советскую монополию внешней торговли¹⁸.

Для распространения антисоветской клеветы социал-демократы использовали также запрещение в Советской России контрреволюционных меньшевистской и эсеровской партий. Накануне Генуэзской конференции социал-демократическая печать для разнузданной клеветнической кампании против Советской России широко использовала происходившую в то время в Москве подготовку к процессу правых эсеров. Социал-демократов большинства поддерживали в этой антисоветской кампании и независимые социал-демократы. Происходивший в январе 1922 г. съезд Независимой социал-демократической партии принял специальную антисоветскую резолюцию, в которой повторялись обычные для социал-демократической пропаганды клеветнические выпады против советской власти. Ведя эту кампанию, социал-демократы и независимцы, разумеется, скрывали от немецких трудящихся историю борьбы контрреволюционных меньшевистской и эсеровской партий против советского народа, длинный список их преступлений против трудящихся масс нашей страны.

Объектом клеветнических нападок со стороны социал-демократов являлась и внешняя политика советского правительства. В напряжённых отношениях между Советской Россией и Антантой, по утверждениям социал-демократов, были виновны не империалистические государства, а Советская республика¹⁹. Однако эти попытки социал-демократов представить очагом безудержности в Европе Советскую Россию были обречены на провал, ибо немецкий рабочий класс хорошо помнил и борьбу Советской республики за прекращение империалистической войны и интервенции Антанты и Америки против рабоче-крестьянского государства.

В своём стремлении дискредитировать советскую внешнюю политику правые социал-демократы и независимцы не останавливались перед самыми провокационными приёмами. Они готовы были пустить в ход любую клевету для того, чтобы нанести ущерб популярности советского государства среди немецких трудящихся. Например, когда накануне съезда Генуэзской конференции появились сообщения о предстоящем якобы соглашении между Советской Россией и Францией, социал-демократическая печать принялась всячески раздувать

эти специально распространявшиеся французской дипломатией слухи, доказывая, что русские «ведут двойную игру», что они готовы заключить политический и военный союз с Францией, который даст ей возможность оказывать давление на Германию, и т. д.²⁰. В то же время социал-демократы, занимавшие руководящие посты в государственном аппарате Германской республики, попережнему препятствовали всякому реальному мероприятию по улучшению советско-германских отношений. Когда советская делегация по пути в Геную остановилась в Берлине и предложила немцам заключить соглашение, немецкое правительство ответило отказом. Как указывал берлинский корреспондент «Манчестер гардиан», соглашение не было тогда заключено главным образом из-за социал-демократов. «Немецкое правительство,— сообщал корреспондент,— склонялось уже к подписанию договора, но оппозиция против договора была в Берлине очень сильна со стороны президента Эберта, который всегда чрезвычайно беспокоился о том, чтобы не вызвать недовольство британского посольства»²¹.

Сообщение «Манчестер гардиан» преувеличивало готовность немецкого правительства заключить соглашение с советскими представителями, так как другие источники свидетельствуют о том, что и Вирт и Ратенау не желали подписывать соглашение с Советской Россией до начала Генуэзской конференции. В части же, характеризующей позицию Эберта по отношению к политике сближения с Советской Россией, эта корреспонденция вполне подтверждается и другими данными.

Политика социал-демократического руководства подвергалась резкой критике со стороны сознательных немецких рабочих, со стороны коммунистической партии Германии. Клара Цеткин ещё в январе 1921 г., выступая в рейхстаге, нарисовала немецкому пролетариату картину ожидавшего его будущего, если Германия будет следовать внешнеполитической программе СДПГ. «Французская и немецкая буржуазия мирно уживутся в качестве господина и надсмотрщика,— говорила Клара Цеткин,— и будут выкачивать из широких масс трудящихся гигантские денежные суммы. Германия должна будет стать огромной сферой эксплуатации для обанкротившегося французского капитализма... и ещё кое-чем: ландскнехтом Антанты и, в первую очередь, Франции, против Советской России и против самого немецкого пролетариата... Немецкие народные массы,— указывала далее Цеткин,— могут избежать угрожающего им ужасного будущего в том случае, если Германия найдёт выход из экономической нужды и из политического одиночества. Это может произойти лишь при условии, что она теснейшим образом примкнёт к

²⁰ См. «Vorwärts» от 26 февраля и 12 апреля 1922 года; «Hamburger Echo» от 1 апреля 1922 года.

²¹ «Rote Fahne» от 25 апреля 1922 года.

¹⁸ См. «Vorwärts» от 1 июня 1921 года.

¹⁹ См. «Vorwärts» от 12 апреля 1922 года.

Советской России»²². «Позиция немецкого правительства в русском вопросе,— заявил в рейхстаге представитель коммунистической партии Штеккер,— это преступление перед немецким народом. Как и во всех своих позорных деяниях, так и в данном случае правительство имеет возможность опереться на партию правых социалистов, ибо вожди правых социалистов министры иностранных дел Шейдеман, Герман Мюллер, Кестер проводили во внешней политике ту же линию по отношению к Советской России, которую проводит в настоящее время буржуазный министр Симонс. Если они, с одной стороны, ползают на животе перед капиталом Антанты, то, с другой стороны, они склонны говорить языком Носке с русской республикой рабочих и крестьян»²³.

30 марта 1922 г. в рейхстаге было оглашено заявление фракции коммунистической партии, в котором давалась уничтожающая характеристика внешнеполитического курса правительства (в состав правительства входили и социал-демократы). «Германия,— говорилось в этом заявлении,— играет в борьбе Англии и Франции за гегемонию в Европе роль разменной монеты. Ей приходится играть эту роль, ибо она отказалась от активной и самостоятельной политики на Востоке, единственной политики, которая могла бы превратить Германию из объекта мировой политики в её действующий субъект. Такая политика, основанная на безоговорочном признании советского правительства, принудила бы Антанту считаться с Германией и уменьшить возложенное на неё бремя... Немецкая восточная политика,— указывали далее коммунисты,— проводилась не только вопреки воле немецких рабочих, которые все, независимо от партийной принадлежности, давно уже требуют восстановления дипломатических отношений и теснейшего сотрудничества с Россией, но она (эта политика) находится в противоречии даже с мнением значительных кругов буржуазии»²⁴.

10 апреля 1922 г. началась международная экономическая конференция в Генуе. Согласно Советской республике на участие в конференции вытекало из ленинских положений о возможности мирного сосуществования и сотрудничества двух систем хозяйства, социалистической и капиталистической, о целесообразности развития торговли с зарубежными государствами²⁵. Но буржуазные империалистические государства, в первую очередь Англия, Франция и США (последние не участвовали в конференции, но стояли за спиной Франции, занимавшей в то время наиболее непримиримую позицию по отношению к Советскому Союзу), пытались навязать пролетарскому государству кабальные условия соглашения, создать предпосылки его экономического удушения.

²² «Rote Fahne» от 25 апреля 1922 года.

²³ «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 348, S. 3107.

²⁴ Там же. Т. 354, стр. 6702.

²⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 169.

«На Генуэзской конференции империалистические правительства, ободрённые поражением революции в странах капитализма, попытались сделать новый нажим на Республику Советов, на этот раз в дипломатической форме. Империалисты предъявили Советской стране наглые требования. Они потребовали вернуть иностранным капиталистам фабрики и заводы, национализированные Октябрьской революцией, потребовали уплаты всех долгов царского правительства. При этих условиях империалистические государства обещали Советскому государству незначительные займы. Советский Союз отверг эти требования»²⁶.

Генуэзская конференция показала, что страны-победительницы продолжают рассматривать Германию как побеждённую страну и не намерены (несмотря на разногласия между Англией и Францией по поводу методов закабаления Германии) согласиться на ревизию Версальского договора. Тем не менее Генуэзская конференция не заставила СДПР и независимцев отказаться от ориентации на империалистов Англии, Франции и США и от борьбы против пролетарского государства. Во время конференции социал-демократическая печать усилила свою антисоветскую пропаганду. Она всячески старалась внушить немецким трудящимся, что в Советской России происходит якобы эволюция в сторону капитализма, которая будет ускорена в результате Генуэзской конференции²⁷. По замыслам социал-демократического руководства, измышления о реставрации капитализма в России должны были подорвать авторитет советского государства в глазах немецких рабочих и облегчить немецкому правительству включение Германии в общий антисоветский фронт империалистических государств в Генуе. Правые социал-демократы и независимцы не допускали и мысли о возможности сближения с Советской Россией в противовес западным империалистическим державам. «Гамбургер эхо» ещё за несколько дней до начала конференции в Генуе призвала немецкую делегацию к величайшей осторожности в переговорах с советскими делегатами²⁸. Орган независимцев «Фрейхайт» убеждал своих читателей не рассчитывать на возможность создания на конференции «немецко-русского оппозиционного блока». Газета указывала, что если Антанта займёт непримиримую позицию по отношению к немцам, то последние обратятся за поддержкой не к России, а к Америке²⁹. Таким образом, и в этот критический период, когда решался вопрос о перспективах международного положения Германии, позиция

²⁶ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 258—259.

²⁷ См. «Vorwärts» от 10 апреля 1922 г.; «Hamburger Echo» от 4 апреля 1922 г.; «Sozialistische Monatshefte» от 10 апреля 1922 г., стр. 340; «Leipziger Volkszeitung» от 8 апреля 1922 года.

²⁸ См. «Hamburger Echo» от 4 апреля 1922 года.

²⁹ См. «Freiheit» от 13 апреля 1922 года.

социал-демократического руководства по-прежнему была непримиримо-враждебной по отношению к Советской России и выражалась в работе перед империалистическими странами, в особенности перед США.

Угодничество перед Антантой и Америкой и продолжение антисоветской политики, как и следовало ожидать, не улучшили, а, наоборот, ухудшили международное положение Германии. Так, представители Антанты вовсе не привлекли немецкую делегацию к переговорам с Советской Россией, когда начались совещания на вилле Альбертис. Надежды немцев на единый с западными державами фронт против России пошатнулись.

Как известно, советская дипломатия совала попытки изоляции Советской России на Генуэзской конференции.

Рост значения советского государства как фактора международной политики, с одной стороны, опасения немецкой крупной буржуазии в том, что Германия останется изолированной и другие капиталистические державы опередят её в беге к русскому рынку, — с другой, привели в конце концов к заключению Рапалльского договора. Договор, подписанный 16 апреля 1922 г. в Рапалло Чичериним и Раенау, предусматривал восстановление дипломатических отношений между Советской Россией и Германией, развитие хозяйственных связей на основе принципа наибольшего благоприятствования, а также взаимный отказ обеих правительств от возмещения военных расходов и убытков, причинённых гражданам обеих стран во время войны. Германское правительство отказалось также и от требования компенсации германских граждан за принадлежавшую им собственность, национализированную в России (при условии, что советское правительство «не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств»).

Заключение Рапалльского договора явилось крупнейшей победой советской внешней политики. Советско-германский договор означал крах попыток создания единого фронта империалистических держав, направленного против Советской республики. Договор создавал условия для экономического сотрудничества Советской России и Германии. Рапалльский договор означал также провал планов создания всяких международных «консорциумов» для колониальной эксплуатации Советской России с участием немецкого капитала. На данном историческом этапе попытки использования Германии в качестве ударного отряда международного капитала для борьбы против Советской страны потерпели неудачу. Отказ Германии от претензий, вытекавших из факта применения советского социально-экономического законодательства по отношению к германским гражданам, означал победу советского принципа о неприемлемости для советского государства каких-либо соглашений с иностранными государствами, идущих в разрез с завоеваниями социалистической революции.

Таким образом, Рапалльский договор знаменовал собой укрепление международного положения советской державы.

В то же время советско-германский договор, основанный на принципе равноправия договаривающихся сторон, показывал всему миру, что советская внешняя политика зиждется на уважении к национальному суверенитету других народов.

Рапалльский договор имел огромное политическое и экономическое значение для Германии, он укреплял её позиции по отношению к Антанте и создавал благоприятные возможности для развития советско-германских экономических связей. Рапалльский договор выводил немецкий народ на единственно верный путь, отвечавший его национальным интересам, — путь мирного развития страны и укрепления её национальной независимости на основе дружественных отношений с советским государством.

Одним из последствий Рапалльского договора явился рост симпатий прудящихся масс капиталистических стран и в первую очередь Германии по отношению к Советской России.

Трудящиеся массы в Германии горячо приветствовали заключение договора с Россией. Это вынуждены были признать и буржуазные политические деятели и социал-демократы. Германский рейхсканцлер Вирт, делая в рейхстаге сообщение о соглашении с Советской Россией, отметил, что «договор в Рапалло оценён рабочим классом всего мира как первое после великой катастрофы предприятие в пользу мира»³¹.

«Широкие массы в Германии, — вынужден был признать в своём выступлении в рейхстаге председатель СДПГ Вельс, — восприняли этот договор столь радостно по той причине, что они инстинктивно почувствовали, что здесь перед ними впервые подлинный мирный договор»³². «Форвертс» также не смогла отрицать, что «Рапалльский договор вследствие его целей и содержания с симпатией воспринят рабочим классом»³³. Однако немецкие рабочие приветствовали советско-германский договор не только за его мирный характер, как это старались подчеркнуть буржуазные и социал-демократические политики. Одобряя Рапалльский договор, рабочий класс Германии вновь подчёркивал свои симпатии к первому в мире рабоче-крестьянскому государству. Через 4 дня после подписания Рапалльского договора в Берлине в Люксгартене состоялся митинг. Свыше 150 тысяч рабочих — коммунистов, социал-демократов и беспартийных — демонстрировали под лозунгами борьбы против наступления капитала, за единый фронт и за помощь Советской России. «Немецкий рабочий класс должен сделать всё, — говорил на этом митинге Вильгельм Пик, — для того, чтобы вдохнуть жизнь в этот бумажный договор. Это означает, что в профсоюзах и на предприятиях нужно добиваться того, чтобы России

³¹ «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 355, S. 7676.

³² Там же, стр. 7679.

³³ «Vorwärts» от 25 апреля 1922 года.

действительно была оказана хозяйственная помощь»³⁴.

Наиболее враждебную позицию по отношению к Рапалльскому договору заняли в то время фашисты и социал-демократические лидеры.

Гитлеровская партия, политическое кредо которой включало прежде всего планы агрессии на Востоке и смертельную вражду против большевизма, выступала с яростными нападениями на немецкую делегацию в Генуе, подписавшую Рапалльский договор. Но фашистская партия была в то время ещё слишком слаба для того, чтобы оказывать серьёзное влияние на внешнюю политику Германии.

Задачу выразить мнение наиболее реакционных империалистических кругов немецкой крупной буржуазии по поводу восточной политики взяли на себя привыкшие к этому грязному делу лидеры немецкой социал-демократии. Однако руководству СДПГ не могло выступать против договора так же открыто, как это делали гитлеровцы. Социал-демократическим лидерам приходилось учитывать отношение рабочих масс, в том числе и рядовых членов СДПГ, к Советской России. Поэтому руководство СДПГ официально вынуждено было лицемерно «солидаризироваться» с подписанием договора. Герман Мюллер, выступая в рейхстаге 29 мая 1922 г., «приветствовал» заключение договора с Советской Россией³⁵.

Лидеры СДПГ и Независимой СДП тем не менее всячески противодействовали политике Рапалло и старались скомпрометировать её в глазах трудящихся. Характерным примером этой двурулической тактики руководства СДПГ являлась реакция Эберта на заключение договора с Советской Россией. В дневнике д'Абернона, занимавшего в то время пост английского посла в Берлине, несколько раз отмечается резкое недовольство Эберта и других лидеров СДПГ буржуазными министрами и дипломатами, причастными к заключению этого договора, — Виртом, Ратенау, Мальчаном (руководителем восточного отдела министерства иностранных дел). 26 апреля 1922 г. в «Дневнике» отмечено: «Я узнаю из другого источника, что рейхспрезидент Эберт чрезвычайно недоволен тем, что, не посоветовавшись с ним и не имея его согласия, подписали договор. Он считает, что подписание такого документа превышает полномочия, которые даны были отправлявшимся в Геную министрам»³⁶. 4 мая д'Абернон делает следующую заметку: «Рейхсканцлер Эберт, кажется, всё ещё не примирился с Рапалльским договором. Он считает, что заключение договора настолько же неразумно, насколько и незаконно; что следовало бы посоветоваться с ним. Он полон решимости удалить Мальчана, а если это будет означать также и падение Ратенау, — тем хуже. Я не верю, что все эти угрозы будут осуществлены, но

они являются симптомом недовольства, вызванного договором в партии социал-демократов большинства»³⁷. Через 11 дней английский посол снова возвращается к этому вопросу: «Я узнаю из другого надёжного источника, что рейхспрезидент Эберт сохраняет своё враждебное отношение к Рапалльскому договору. Он полагает, что Мальчан должен уйти в отставку. Ратенау также заслуживает этого, но Эберт не может сейчас обойтись без него»³⁸. В таком же духе описывает реакцию Эберта на заключение Рапалльского договора и Штампфер. Он сообщает, что, узнав о подписании договора с Россией, «...рейхспрезидент был поражён и озлоблен. В Геную направлялись с твёрдым намерением убедить все непредубеждённые умы в искренности и лояльности Германии. Собирались морально изолировать Пуанкаре, приобрести английские и итальянские симпатии, а сделали вдруг нечто, что должно было вызвать самое плохое впечатление — впечатление враждебного манёвра»³⁹.

Все эти свидетельства подтверждают двурушничество политики социал-демократического руководства, приветствовавшего Рапалльский договор в официальных заявлениях и препятствовавшего его реализации на деле.

Сразу же после подписания договора вся пропаганда и аппарат СДПГ и Независимой СДП развернул пропаганду, имевшую целью воспрепятствовать всякой попытке изменить курс внешней политики Германии, направленную на то, чтобы не допустить действительного сближения Германии с Советской Россией. Социал-демократическая печать и лидеры СДПГ изображали Рапалльский договор как явление случайное, вызванное не коренными интересами Германии, а перипетиями дипломатической игры великих держав. Главным основанием для заключения соглашения с Советской Россией, по утверждению «Форвертс», была необходимость не допустить, чтобы Россия воспользовалась своим правом требовать от Германии репарации, согласно 116-й статье Версальского договора. Отстранение Антантой немецкой делегации от переговоров с Россией сделало якобы реальной опасностью соглашения держав-победительниц с Советской Россией за счёт Германии⁴⁰.

Социал-демократической газете, разумеется, была известна позиция советского правительства по отношению к Версальскому договору, и она, конечно, не принимала всерьёз версию о возможности заключения Советской Россией соглашения с Антантой, направленного против Германии. Шумиха же по поводу статьи 116 имела своей целью

³⁷ Там же, стр. 307.

³⁸ d'Абернон. Указ. соч., стр. 314.

³⁹ E. Stampfer. Указ. соч., стр. 270. П. Меркер связывает отставку Вирта в ноябре 1922 г. с недовольством, которое испытывал Эберт по отношению к «виновнику» заключения Рапалльского договора (P. Merker. Deutschland. Sein oder nicht sein? Bd. I. Mexico. 1944).

⁴⁰ См. «Vorwärts» от 19 апреля 1922 года.

³⁴ «Rote Fahne» от 21 апреля 1922 года.

³⁵ «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 355, S. 7679—7681.

³⁶ См. d'Абернон. An ambassador of peace. Pages from the diary. Vol. I, p. 304—305. 1929.

опорочить внешнюю политику советского государства перед немецкими трудящимися.

Герман Мюллер возлагал вину за подписание Германией Рапальского договора на Антанту, так как «в Генуе нарушен был дух Генуи». Мюллер намекал на то, что западные державы нарушили первоначальные планы выступления капиталистических стран единым фронтом против Советской России и оставили Германию в стороне от этого предприятия⁴¹.

Однако договору, по мнению социал-демократов, не следовало придавать слишком большого значения. Мюллер доказывал в рейхстаге, что соглашение с Советской Россией может быть реализовано «...лишь в границах испытанной политики выполнения договора с Западом... Несмотря на принцип наибольшего благоприятствования, это соглашение (Рапальский договор. — А. К.) не может заменить корректных отношений с Западом, которые нужны нам, если мы хотим преодолеть трудности будущего времени»⁴².

Социал-демократическая пресса усердно доказывала, что ориентация на Антанту должна оставаться основой внешней политики Германии. «Ни Германия, ни Россия, — предательски рассуждала социал-демократическая газета «Гамбургер эхо», — не в состоянии сейчас решать судьбы мира по своему усмотрению. Хотя они этого или нет, но им приходится для каждого своего шага заручаться согласием подлинно мировых держав»⁴³.

«Форвертс» заверяла своих читателей в том, что внешняя политика Германии «...после шторма на Лигурийском побережье пойдёт по тому же курсу, по которому она двигалась прежде»⁴⁴.

Все эти заявления социал-демократических лидеров и партийной прессы должны были, с одной стороны, засвидетельствовать Антанте неизменность «западной ориентации» СДПГ, с другой стороны, подготовить почву для саботажа политики дружественных отношений с Советской Россией, предусмотренной Рапальским договором.

Для того, чтобы подорвать доверие и симпатии немецких трудящихся по отношению к советскому государству, социал-демократические главарь изошрялись в попытках опорочить советско-германский договор и поставить под сомнение его мирный характер.

Социал-демократическое руководство умышленно раздувало появившиеся в мировой буржуазной прессе слухи, Судто Рапальский договор сопровождался ещё каким-то военным соглашением между Германией и Советской Россией.

Несмотря на беспочвенность слухов о заключении советско-германской военной кон-

венции, социал-демократы долго ещё использовали эту тему для своей антисоветской кампании. Особенно гнусную позицию занял теоретический орган СДПГ — «Социалистиче монатсхефте», — который выступил с упреками по адресу английского правительства, якобы недостаточно последовательно проводившего свою антисоветскую политику⁴⁵. Всячески стараясь опорочить Рапальский договор, теоретический орган СДПГ выступил горячим защитником капиталистических интересов немецкой буржуазии, доказывая, что Германия понесла якобы большой урон, отказавшись от требования возмещения стоимости национализированных в России немецких предприятий⁴⁶. В отличие от ежедневной прессы СДПГ журнал «Социалистиче монатсхефте» был рассчитан на более узкие круги партийного актива, и поэтому он мог себе позволить более открыто, чем газеты, выразить солидарность социал-демократического руководства с планами самых заклятых врагов Советской России в лагере империалистов.

Желая умалить значение советско-германского договора, социал-демократическое руководство усиленно убеждало немецкий народ в том, что экономическое положение России не позволяет рассчитывать на какие-либо практические результаты от восстановления с ней хозяйственных связей. Квессель полемизировал с рейхсканцлером Виртом, который говорил в рейхстаге о благоприятных перспективах экономических связей с Советской Россией. Квессель доказывал, что Рапальский договор «с экономической точки зрения не может принести Германии ни малейшей пользы»⁴⁷. Газета «Гамбургер эхо» сводила экономические перспективы соглашения с Советской Россией к тому, что «...несколько немецких фирм сделают выгодные дела благодаря приобретению концессий»⁴⁸.

Гильфердинг же видел практическое значение Рапальского договора лишь в том, что, создавая условия для хозяйственного сотрудничества Германии с Советской Россией, он даст возможность выплачивать причитающиеся Франции репарации⁴⁹.

Подобными доводами социал-демократическое руководство старалось подорвать широко распространённое среди немецкой общественности убеждение в жизненной важности для Германии развития экономических связей с Советской Россией. Как известно, тенденциозные «прогнозы» социал-демократов о перспективах советско-германских хозяйственных связей потерпели крах при столкновении с действительностью, так как вскоре после подписания договора в Рапал-

⁴¹ «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 355, S. 7679.

⁴² Там же, стр. 7680.

⁴³ «Hamburger Echo» от 18 апреля 1922 года.

⁴⁴ «Vorwärts» от 20 апреля 1922 года.

⁴⁵ L. Quessel. Ein Blick auf Genua. «Sozialistische Monatshefte». Bd. 58, S. 385, от 1 мая 1922 года. M. Cohen. Das Gebot der Zeit. «Sozialistische Monatshefte» Bd. 58, S. 563, от 24 июня 1922 года.

⁴⁶ L. Quessel. Указ. соч., стр. 387.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Hamburger Echo» от 13 мая 1922 года.

⁴⁹ См. «Vorwärts» от 19 апреля 1922 года.

ло торговля между обеими странами значительно оживилась⁵⁰.

Стараясь противодействовать положительному отношению немецкого рабочего класса к советско-германскому договору, руководство СДПГ и Независимой СДП продолжало распространять свои измышления о том, что в Советской республике начинается якобы эволюция в сторону капитализма. Самый факт вступления советского правительства в переговоры с капиталистическими державами в Генуе и заключение договора с буржуазным германским правительством социал-демократы клеветнически изображали как отказ большевиков от своих принципов и как вынужденное признание правильности политики реформистов.

Герман Мюллер доказывал в рейхстаге, что Россия «по этапам» возвращается к капитализму⁵¹. В таком же духе выступал и Вельс на съезде СДПГ в Аугсбурге в сентябре 1922 года⁵².

Под прикрытием нелицеприятных деклараций о «защите» Советской России Независимая СДП вела не менее яростную борьбу против Советской России, чем СДПГ, причём маска друзей России делала независимцев ещё более опасными врагами революционного движения, чем социал-демократов большинства. О немецких независимцах, Криспине и прочих, В. И. Ленин писал ещё в 1920 г. как о плаксивых, мешанских демократах, «которые в тысячу раз опаснее для пролетариата, если они объявляют себя сторонниками советской власти и диктатуры пролетариата, ибо на деле в каждую трудную и опасную минуту они неизбежно будут совершать предательство...»⁵³.

Председатель Независимой СДП Криспин фарисейски сетовал на то, что большевики отказались якобы от принципов социализма и ориентируются на восстановление капитализма⁵⁴. Представляя новую экономическую политику советской власти политикой восстановления капитализма, правые и «левые» социал-демократы замалчивали и скрывали от рабочих, что советская власть сохраняла в своих руках командные высоты в народном хозяйстве, что нэп — это «политика партии, допускающая борьбу социалистических и капиталистических элементов и рассчитанная на победу социалистических эле-

ментов над элементами капиталистическими»⁵⁵.

Поднимая в сотрудничестве со всеми врагами советского государства, начиная от Ллойда Джорджа, Черчилля и Пуанкаре и кончая троцкистами, шумиху относительно мнимого восстановления капитализма в России, социал-демократические лидеры преследовали определённую цель — дискредитировать Страну Советов в глазах немецкого рабочего класса и оправдать свою антисоветскую политику, в частности, противодействие реализации Рапалльского договора. В наиболее открытой форме эти расчёты социал-демократов были высказаны лейпцигским органом независимцев, который заявил, что Рапалльский договор не заслуживает поддержки со стороны немецкого рабочего класса, так как он, мол, «не имеет в себе ничего социалистического»⁵⁶. «Беспокойство» по поводу мнимой «стабилизации капитализма» в Советской России является для независимцев, так же как и для социал-демократов большинства, лишь дымовой завесой, под прикрытием которой они предпринимали свои атаки против Советской России. Брейтшайд, принадлежавший в то время к Независимой СДП, выступал с резкими упреками по адресу немецкой делегации, подписавшей в Рапалло договор с Россией⁵⁷. Криспин, который за месяц до заключения договора выставлял себя сторонником возобновления отношений с Советской Россией, после того, как договор был подписан, принялся доказывать, что он приведёт к изоляции Германии⁵⁸. Так независимые социал-демократы разоблачили себя как сторонников политики капитуляции Германии перед империализмом Антанты, как злейших врагов независимого существования немецкого народа. Сближение с англо-французским и американским империализмом, даже ценой выполнения всех грабительских требований Версальского договора и порабощения Германии, и участие в борьбе мирового империализма против Советской республики — такова была антинациональная внешнеполитическая программа руководства немецкой социал-демократии.

Своим непримиримо-враждебным отношением к советскому государству социал-демократическая верхушка выделялась даже среди тех буржуазных немецких политиков, которые оказались способными на более гибкую политику, допускавшую улучшение отношений с Советской Россией. Конечно, эти расхождения во внешнеполитической программе руководителей СДПГ и некоторых буржуазных политиков Германии не носили принципиального характера. Через три с половиной года после Рапалло правительство Лютера — Штрэземана при полном одобрении и поддержке руководства

⁵⁰ За период с 1 января 1921 г. по 1 сентября 1921 г. из Советской республики было вывезено в Германию товаров на сумму в 2,5 млн. руб., а за период с 1 сентября 1921 г. по 1 сентября 1922 г. — на сумму в 36,2 млн. руб.; импорт в Советскую Россию из Германии соответственно выражался суммами в 160 и 367 млн. руб. («Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918 — 1937 гг.», стр. 226, 228. 1939).

⁵¹ См. «Verhandlungen des Reichstags» Bd. 355, S. 7680.

⁵² «Protokoll der sozialdemokratischen Parteitage in Augsburg, Gera und Nürnberg». S. 60. 1922.

⁵³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 244.

⁵⁴ См. «Verhandlungen des Reichstags» Bd. 355, S. 7716.

⁵⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 8, стр. 83.

⁵⁶ «Leipziger Volkszeitung» от 2 мая 1922 года.

⁵⁷ См. «Rote Fahne» от 29 апреля 1922 года; см. также «Freiheit» от 29 апреля и 13 мая 1922 года.

⁵⁸ См. «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 355, S. 771.

СДПГ подписало в Локарно соглашения, острием своим направленные против СССР и являвшиеся инструментом подготовки войны против Советского Союза.

По поводу отношения социал-демократии к Локарнским соглашениям товарищ Сталин говорил на XIV съезде ВКП(б) следующее: «О чём говорит нынешняя позиция II Интернационала по отношению к Локарно? О том, что II Интернационал является организацией не только буржуазного развращения рабочего класса, но и организацией морального оправдания всех несправедливостей Версальского мира. О том, что II Интернационал есть организация, подсобная для Антанты, организация, выполняющая своей работой и своим шумом за Локарно и Лигу наций морально оправдать все те несправедливости и весь тот гнёт, которые созданы режимом Версаль-Локарно»⁵⁹.

Эта оценка, данная товарищем Сталиным, вполне характеризует позицию германской социал-демократии и по отношению к Рапалльскому договору. Уже тогда СДПГ играла в Веймарской республике роль предателя жизненных интересов немецкого народа, требовавших развития дружбы с Советским Союзом, — дружбы, являвшейся основным средством сохранения мира в Европе.

Антинациональная политика немецких социал-демократов, выражавшаяся в «западной ориентации», т. е. в ориентации на англо-американских империалистов, и в борьбе против Советского Союза и прогрессивных сил немецкого народа, стоявших за дружбу с СССР, явилась одним из важнейших факторов движения Германии к установлению фашистского режима и второй мировой войне, развязанной немецким империализмом при помощи и содействии империалистов Англии, Франции и США⁶⁰.

После разгрома гитлеровского фашизма Советской Армией немецкие правые социал-демократы возобновили свою гнусную антисоветскую деятельность. Основные усилия руководителей нынешней СДПГ Шумахера и Олленхауера, как прежде Эберта и Вельса, направлены на то, чтобы превратить Германию в англо-американскую колонию и плацдарм для антисоветской агрессии. Стремясь подавить национальное сознание немецкого народа и подорвать его борьбу за национальный суверенитет, независимость и демократическое развитие Германии, шумахеровцы культивируют в

немецком народе империалистическую идеологию космополитизма. Стараясь воспрепятствовать росту симпатий немецкого населения к Советскому Союзу, правые социал-демократы ведут систематическую злобную антисоветскую пропаганду, не останавливаясь перед прямыми призывами к войне против Советского Союза. В Восточной Германии шумахеровцы, по заданию своих иностранных хозяев, ведут шпионскую и подрывную деятельность, направленную против Советского Союза и Германской демократической республики.

Исторические уроки последних двух десятилетий не могли, однако, не оказать своего влияния на немецких трудящихся.

Широкие слои немецкого рабочего класса с первых дней существования советской власти приветствовали политику сближения с Советской Россией.

Значительная часть членов СДПГ, удивившись в гибельности для Германии политики вражды к Советскому Союзу и политики раскола рабочего класса, отказалась следовать дальше за правыми социал-демократическими лидерами и вошла вместе с коммунистами в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ). Последняя является в настоящее время массовой партией немецкого рабочего класса и ведущей политической партией Германской демократической республики. Создание демократического Германского государства означает, что заложен фундамент для единой демократической и миролюбивой Германии, существование которой, наряду с существованием миролюбивой советской державы, служит залогом прочного мира в Европе. Широкие круги немецкого народа полны решимости бороться против закабаления Германии американским империализмом и за укрепление дружбы с Советским Союзом.

Формулируя задачи Национального фронта борьбы за освобождение Германии от чужестранного империализма, Центральное правление СЕПГ указало: «Жизнь и будущее немецкого народа требуют тесной и нерушимой дружбы с Советским Союзом и странами народной демократии. Враждебная Советскому Союзу пропаганда, организуемая в Германии американскими империалистами и их немецкими пособниками, направлена против коренных интересов немецкого народа»⁶¹. Центральное правление СЕПГ призвало немецких трудящихся вести борьбу против организаторов антисоветской пропаганды — правых социал-демократических лидеров, прикрывающих свою службу англо-американскому империализму антинациональной, космополитической идеологией.

Программное постановление СЕПГ не только намечает перспективы развития советско-германских отношений, — оно является также историческим приговором, сурово осуждающим агентов буржуазии в рабочем движении, проводивших в период Рапалло и позднее антисоветскую и антинациональную политику.

⁶¹ «Правда» от 10 октября 1949 года.

⁵⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 7, стр. 277.

⁶⁰ Интересно отметить, что в американских реакционных исторических журналах подчёркивается в настоящее время «историческая заслуга» немецких социал-демократов, неизменно придерживавшихся «западной ориентации» и политики вражды по отношению к СССР. См., например, Maehl. The German Socialists and the Foreign policy of the Reich from the London conference to Rapallo. «The Journal of modern history». Vol. XIX, March 1947.